

Научная статья
УДК 314.07; 314.5
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-95-108

ТЕНДЕНЦИИ ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ СЕМЬИ В РОССИИ: АНАЛИЗ НАРРАТИВОВ

Евгений Алексеевич Капогузов^{1✉}, Роман Игоревич Чупин²

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

²Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Омск, Россия

¹egenk@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-8083-5654, AuthorID РИНЦ: 337296

²roman-chupin@ya.ru, ORCID: 0000-0002-8904-1380, AuthorID РИНЦ: 652038

Аннотация. В российском общественно-политическом и академическом дискурсе в последнее время пропагандируется образ традиционной модели семьи, как правило многодетной. Вместе с тем в реалиях пронаталисткой демографической политики именно на семейные домохозяйства не сосредоточен фокус государственной поддержки. Также в мире наблюдается тенденция деинституционализации традиционного брака, которая не обошла стороной и Россию.

Цель исследования — на основе контент-анализа эмпирической базы в рамках медиодискурса выявить тенденции деинституционализации брака применительно к студенческим семьям в России.

Методология: количественный контент-анализ, анализ нарративов, метод структурной семиотики.

Результаты исследования. Был проведен анализ выпусков передачи «Давай поженимся» за период с 2008 по 2020 гг. и анализа форумов и пабликов 24 региональных форумов по тематике студенческих семей. Применялся частотный метод обработки текста на естественном языке (NLP) с использованием технологии машинного обучения в среде Python. Получены характеристики мужских (m) и женских (w) нарративов по годам и возрасту. Можно констатировать, что в дискурсе происходит институциональное усиление репродуктивного поведения у мужчин и брачного поведения у женщин: многие студенческие семьи строятся на беккериянских принципах, где мужчина выполняет (должен выполнять) роль кормильца, а жена воспитывает детей. Как следует из результатов проведенного анализа, в дискурсе о браке распространяются смешанные семейные ценности — смесь западных ценностей с традиционным взглядом на семью. При этом необходимо выравнивание качества контента в регионах для того, чтобы семьи в субъектах РФ характеризовались образами, не уступающими современным стандартам.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим анализом специфик региональных семейных политик и выработкой нормативных рекомендаций с фокусом на регионы, в частности научно-обоснованную разработку новой модели семьи, включающей в себя не только переосмысление w-нарратива, но в большей степени m-нарратива.

Ключевые слова: семейная политика, семейные домохозяйства, нарративный анализ, частотный анализ, студенческие семьи, деинституционализация

Для цитирования: Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Тенденции деинституционализации студенческой семьи в России: анализ нарративов // Вестник Южно-Российского

государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 95–108. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-95-108>.

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Original article

TRENDS IN THE DEINSTITUTIONALIZATION OF THE STUDENT FAMILY IN RUSSIA: NARRATIVE ANALYSIS

*Evgeny A. Kapoguzov*¹✉, *Roman I. Chupin*²

¹*Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

²*Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

¹*egenk@mail.ru*✉, ORCID: 0000-0001-8083-5654, AuthorID RSCI: 337296

²*roman-chupin@ya.ru*, ORCID: 0000-0002-8904-1380, AuthorID RSCI: 652038

Abstract. *In Russian socio-political and academic discourse, the image of the traditional family model, usually with many children, has been promoted lately. At the same time, in the realities of the pronatalist demographic policy, the focus of state support is not focused on family households. At the same time, there is a tendency in the world to deinstitutionalize traditional marriage, which has not bypassed Russia.*

The purpose of the research *based on the content analysis of the empirical base within the media discourse, to identify trends in the deinstitutionalization of marriage in relation to student families in Russia.*

The methodological basis: *quantitative content analysis, narrative analysis, structural semiotics method.*

Research result: *an analysis was made of the releases of the show- program «Davaj Pozhenimsja» (Chanel one) for the period from 2008 to 2020 and analysis of 24 regional forums on student families. Frequency was used as a method of natural language processing (NLP) using machine learning technology and Python. The characteristics of male (m) and female (w) narratives are obtained by years and age. It can be stated that in the discourse there is an institutional strengthening of reproductive behavior in men and marital behavior in women: many student families are built on Beckerian principles, where the man plays (should play) the role of the «breadwinner», and the wife brings up the children. As follows from the results of the analysis, mixed family values are spreading in the discourse on marriage — a mixture of Western values with a traditional view of the family. At the same time, it is necessary to equalize the quality of content in the regions so that families in the constituent entities of the Russian Federation are characterized by images that are not supporting by modern standards.*

The prospects for the study *are related to further analysis of the specifics of regional family policies and the development of normative recommendations with a focus on the regions, in particular, the scientifically based development of a new family model, which includes not only a rethinking of the w-narrative, but to a greater extent of the m-narrative.*

Keywords: *family policy, family households, narrative analysis, frequency analysis, student families, deinstitutionalization*

For citation: Kapoguzov E. A., Chupin R. I. Trends in the deinstitutionalization of the student family in Russia: narrative analysis // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 95–108. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-95-108>.

Acknowledgments: this work was carried out within the governmental order for Omsk Scientific Center SB RAS (project registration number 121022000112-2).

Введение. Регулирование рождаемости, которое в настоящее время находится в центре российской семейной политики, является в значительной степени подсистемой управления брачным поведением в целом. В современной России политика стимулирования рождаемости тесно связана с поддержкой традиционной модели семьи, для которой нормой является наличие не менее двух детей. Однако в российской политике поддержки традиционной семьи проблем и противоречий не меньше, чем в политике стимулирования рождаемости. В последние десятилетия общепризнано, что традиционная модель находится в России (как и в западных странах) в состоянии острого кризиса: нередки матери-одиночки, распространены внебрачные отношения, а молодые люди, вступившие в брак, не спешат заводить детей. «Традиционные семейные ценности» стремятся популяризировать самыми разными методами. Данное регулирование, по мнению российских ученых, имеет за собой как чисто демографическое [8], так и институциональное основание [3]. Последнее было определено в январе 2021 г. В. В. Путиным на Всемирном экономическом форуме в Давосе, который говорил про «ценностный кризис», который оборачивается негативными демографическими последствиями, из-за которых человечество рискует потерять целые цивилизационные и культурные материки¹.

Действительно, на сегодняшний день в мире набирают популярность нетрадиционные семейные отношения, происходит постепенная деинституционализация брака [14]. В широком смысле деинституционализация означает «размывание» норм и правил с точки зрения их влияния на различные слои общества. Деинституционализация

брака в западных странах привела к тому, что «старые» формы семейных отношений утратили доминирующие позиции и бескомпромиссные директивы, а также стали элементом церемониальности [17]. Учитывая эти тенденции, при определении брака западные ученые рассматривают семейный союз в разрезе регуляторного, нормативного и культурно-когнитивного основания [13]. Если первые два основания касаются ослабления правил и дисфункции институтов при статусно-ролевой координации деятельности супругов в браке, то третье, наиболее спорное, основание затрагивает трансформацию институционализированных форм поведения супругов — шаблонов и образов действий, закрепленных в дискурсе о браке.

В современной России среди различных ориентиров, формирующих идеалы и образ семьи в общественном сознании, дискурсивная составляющая (включая массмедиа) остается одной из ключевых [4]. В условиях отсутствия стабильных межпоколенческих связей именно дискурсивные практики в медиа оказывают существенное воздействие на формирование представлений о социальных нормах, создавая эффект личного общения на основе приемов доверительности [1]. Существенную роль играют как телевизионные каналы, так и Интернет. С одной стороны, оба этих формата выступают главными каналами получения социального знания для отдельных (прежде всего молодежных) групп, а с другой стороны, способствуют манипуляции общественным сознанием через систематическое и комплексное «навязывание» зрителю/читателю определенной «картины» семейных отношений [5].

Так, в Концепции государственной семейной политики Российской Федерации

¹ Выступление Владимира Путина на форуме в Давосе. Полный текст [Электронный ресурс] // Вести. 27 января 2021 г. URL: <https://www.vesti.ru/article/2515983> (дата обращения: 27.10.2021).

на период до 2025 г. ослабление института и традиционных семейных ценностей в России прямо увязывается с неблагоприятным информационным фоном. Основным проявлением признается агрессивная пропаганда семейного неблагополучия: насилия, неуважения к родителям, ненависти к детям. При этом органами государственной власти пропагандируется нарратив многодетной семьи², который согласно статистике брачной рождаемости работает выборочно и не соответствует образу усредненного российского домохозяйства. Как правило, многодетные семьи являются малоимущими и тем самым могут становиться скорее демотиватором, чем положительным примером для институционального усиления традиционной семьи в молодежной среде.

Согласно исследованию В.В. Радаева, «в 2016 г. при медианном возрасте 27 лет лишь чуть более половины представителей поколения миллениалов (54,4%) считали себя женатыми/замужем (включая гражданские браки), а 41,3% из них еще никогда не образовывали семью. Если сравнить это с ситуацией предшествующего реформенного поколения в 2002 г., когда его медианный возраст был аналогичным — женатыми/замужем себя считали 68,1%, а никогда не состояли в официальном или неофициальном браке — лишь 24,1%» [7, с. 20].

В предыдущих исследованиях, посвященных трансформации института семьи, а также способам институционального регулирования семейных отношений в России, авторами данной статьи была выдвинута гипотеза о влиянии нарративов на сохранение традиционных семейных ценностей. При этом под нарративами в русле экономического анализа подразумевалась последовательность «связанных причинной связью событий и лежащих в их основе источников, разворачивающихся с течением времени, которые могут быть использованы в качестве шаблона при интерпретировании нашего настоящего опыта» [11, р. 65]. В экономической теории под нарративами понимаются далеко не все взаимосвязанные тексты, а только те, которые связаны с формированием правил

и устойчивых или доминирующих «поведенческих паттернов» [2].

В данном контексте семейные отношения могут образовывать множество нарративов, как истории с началом, серединой и финалом, содержащие некий опыт. Подталкивающая функция этого опыта, переданного в формате истории, может служить важнейшей регуляцией в выборе индивидами того или иного типа укоренённости. Однако в случае с эмпирическим подтверждением влияния нарративов на формирования правил и регуляцию поведения экономических агентов, а также отделения этого влияния от иных институциональных условий [10] следует использовать более прочную методологическую базу. Экономический анализ нарративов реализуется, как правило, в двух вариантах — дедуктивном и индуктивном. Первый случай при рассмотрении множества текстов исходит из набора принципов, согласно которым в основе языка производится поиск модальностей для построения теоретико-игровых моделей стратегического взаимодействия субъектов [16]. Индуктивный метод, в свою очередь, основан на реконструкции структуры институтов посредством детального контекстуального анализа случаев с учетом их исторической и пространственной обусловленности [12]. Однако во всех случаях нарративный метод анализа является неструктурированным и слабо формализованным.

Ключевой проблемой исследования нарративов в экономике является сложность разделения нарративной формы от содержания информации, передающейся нарративом. Однако данное утверждение не распространяется на семиотический метод Греймаса [15], позволяющий разделить язык и речь. В основе метода структурной семиотики заложен тезис Соссюра о дихотомии правил, конвенций (языка) и актуализированных речевых актов (речи), лежащих в основе нарративов. Последнее, согласно исследованию Дж. Остина [6], включает в себя иллокутив — намерение говорящего, представляющее отображение различных действий (приказа, извинений, обещаний, предположений, предупреждений, обвинений и т.п.). Позднее Дж. Сёрл,

² Нужны ли России «универсальные» ценности? [Электронный ресурс] // Российская Газета. 17 июня 2020 г. URL: <https://rg.ru/2020/06/17/nuzhny-li-rossii-universalnye-cennosti.html> (дата обращения: 12.06.2021).

известный своими дополнениями к определению понятия «институт», произвел попытку развить теорию иллокутивов, полагая, что знание значения речи есть знание правил [9]. Включенная в форму нарратива речь фундирована языком — совокупностью правил и конвенций, позволяющих как говорящему, так и слушающему понять друг друга и следовать иллокутивной цели.

Иными словами, при исследовании нарративов важно через употребление тех или иных «знаков» и интонации их употребления уловить связь с правилом, которое в данном нарративе отображается. Так, согласно Греймасу, связь между знаками (иллокутивами) и обозначаемым (конвенцией) обеспечивается значениями, возникающими в глубинных (фундаментальных системах ценностей, встроенных в текст) уровнях нарратива и делающими структурированными поверхностные (легко узнаваемые формы текста) слои нарратива. Анализ глубинных уровней нарратива позволяет идентифицировать преобладающие нормы и ценности. При этом существует допущение, что различные нарративы могут иметь в своей основе общую глубинную структуру, позволяющую максимально точно определить связь включенных в нарратив знаков с правилами и конвенциями.

Таким образом, представляется возможным использовать предложенный Греймасом и его последователями инструментарий для анализа преобладающих в российском обществе нарративов с целью определения тенденций деинституционализации брака в студенческих семьях.

Методика. Для проверки тезиса, что государство «не совсем» должным образом использует имеющийся в его распоряжении инструмент институциональной регуляции дискурса о браке, далее предлагается частотный анализ наиболее популярной программы о семье, браке и замужестве на «Первом канале», а именно — передачи «Давай поженимся». Данная передача, несмотря на наличие целого ряда «фриков» среди участников, их эпатажных установок и попыток самореклам, а также постановочного характера ряда передач, на наш взгляд, с учетом длительности периодов выпусков и множес-

тва актов для выборки в рамках анализа нарративов может являться эмпирической основой для проведения нашего исследования. Основой выборки выступила сетка выпусков передачи на официальном Youtube-канале «Давай поженимся». В процессе построения выборки генеральная совокупность дифференцировалась по годам выпуска с подразделением на главных участников ток-шоу женихов или невест. Вследствие труднодоступности извлечения выпусков в период с 2008 по 2012 гг. было принято решение о реализации двухступенчатого отбора, предполагающего использование сплошного отбора для выпусков передачи «Давай поженимся» в период с 2008 по 2012 гг. и систематического отбора с шагом в 6 выпусков в период с 2013 по 2020 гг. Общий объем выборочной совокупности составил 232 выпуска.

При рассмотрении подходов к проведению нарративного анализа необходимо исходить не только «сверху», но и «снизу». Иными словами, для повышения результативности семейной политики в России необходимо учитывать смысловые концепты, которые исходят не только из перегруженной структуры медиодискурса, но и основываются на практиках и интересах общества. Для этих целей, основываясь на успешном опыте выявления смыслов проводимых институциональных изменений, следует применять инструменты количественного контент-анализа, позволяющие сопоставить «картину» мира субъектов с системой формальных правил, направленных на культивацию традиционных семейных ценностей.

При этом следует отметить, что эволюция дискурса о браке в России различается в территориальном разрезе и далеко не всегда соответствует декларируемому федеральным центром ценностям. В данном исследовании нами предлагается анализ историй студенческих семей, взятых с форумов и пабликов для молодых матерей (Краснодар) и многодетных семей (Пенза, Липецк), официальных источников ЗАГС (Казань), телеграмм-каналов (Москва и Санкт-Петербург), сайтов юридической поддержки (Челябинск, Самара), независимых студенческих СМИ (Ставрополь), групп психологической помощи (Хабаровск), сайтов знакомств (Челябинск и Оренбург) и анонимных дискуссионных платформ (Но-

восибирск, Томск, Пермь). Всего подверглись анализу 24 региональных форума.

В общем виде количественный контент-анализ позволяет оценить концептуальные подходы и смыслы посредством обработки массива лексем и их сравнения в различных типах дискурса о браке. Однако большая часть методик контент-анализа является достаточно трудоемким процессом, требующим прямого участия аналитика в работе, который определяет контекст и смысл текста. Решением этой и других задач, связанных с анализом и категоризацией, на современном этапе занимается область искусственного интеллекта — обработка естественного языка. Частотный анализ является одним из сравнительно простых методов обработки текста на естественном языке (NLP). Его результатом является список слов, наиболее часто встречающихся

в тексте. Частотный анализ также позволяет получить представление о тематике и основных понятиях текста. Визуализировать его результаты удобно в виде «облака слов». Эта диаграмма содержит слова, размер шрифта которых отражает их популярность в тексте (рис. 1, составлено авторами).

1. Препроцессинг текста. Для проведения частотного анализа и определения тематики текста рекомендуется выполнить очистку текста от знаков пунктуации, лишних пробельных символов и цифр. Сделать это можно различными способами: с помощью встроенных функций работы со строками, с помощью регулярных выражений, с помощью операций обработки списков или другим способом.

2. Токенизация текста. Для последующей обработки очищенный текст необходимо раз-

Рис. 1. Алгоритм частотного анализ текста
Fig. 1. The algorithm of frequency analysis of the text

бить на составные части — токены. В анализе текста на естественном языке применяется разбиение на символы, слова и предложения. Процесс разбиения называется токенизация. Для нашей задачи частотного анализа необходимо разбить текст на слова.

3. Лемматизация. Необходимо слова исходного текста привести к их основам или начальной форме — провести стемминг или лемматизацию.

4. Удаление стоп-слов. К стоп-словам (или шумовым словам), как правило, относятся предлоги, союзы, междометия, частицы и другие части речи, которые часто встречаются в тексте, являются служебными и не несут смысловой нагрузки — являются избыточными. Следует отметить, что стоп-слова являются контекстно зависимыми — для текстов различной тематики стоп-слова могут отличаться. Как и в случае со спецсимволами, необходимо проанализировать исходный текст и выявить стоп-слова, которые не вошли в типовой набор.

5. Частотный анализ. Результатом частотного анализа является словарь, содержащий токены и их частоты — количество раз, которые эти слова встречаются в тексте. Частота распределения слов в тексте может быть визуализирована с помощью графика.

6. Построение облака и связей. Частотный анализ также позволяет получить представление о тематике и основных понятиях текста. Визуализировать его результаты удобно в виде «облака слов». Эта диаграмма содержит слова, размер шрифта которых отражает их популярность в тексте.

Цикл — потому что после построения частот текст проходит повторные препроцессинги вследствие обнаружения не отмеченных ранее стоп-слов, символов, повторов или не несущих смысловую нагрузку для целей исследования слов и прочее (наибольшие частоты имеют союзы, предлоги и другие служебные части речи, не несущие смысловую нагрузку, а только выражающие семантико-синтаксические отношения между словами). Так текст «вычищается» до тех пор, пока не останутся только смысловые части речи и затем строится финальное облако слов и изучаются связи.

Таким образом, на входе мы имеем дело с нарративами студенческих семей, выпол-

ненных на естественном языке, анализировать который необходимо сразу на нескольких лингвистических уровнях:

— графематическом (выделение показателей (слов));

— лексическом (группировка показателей по параметрам);

— морфологическом (выяснение контекста использования показателей, построение морфологической интерпретации показателей в входном тексте);

— синтаксическом (выявление связей между показателями, построение дерева зависимостей показателей);

— семантическом (оценка показателей, выделение групп, составляющих семантическое ядро; построение семантического графа).

Текст делится на абзацы, предложения, слова и буквы. Сначала буквы объединяются в слова. Затем слова нормализуются — выделяется их начальная форма. Далее проводится полный или частичный синтаксический разбор, определяются зависимости и связи между показателями в предложениях. На первый взгляд, кажется, что разбить текст на предложения и выделить показатели не составляет никакого труда. Нужно просто ориентироваться на знаки препинания, маркирующие конец предложения. Но работает этот метод далеко не всегда. Ведь, например, точка может обозначать и сокращение, использоваться в дробных числах. Таким образом, для NLP используются программные средства, позволяющие оптимизировать процесс обработки естественного языка. В данном исследовании мы предлагаем алгоритм обработки текста в программной среде Python.

Результаты.

1. *Распределение ключевых слов, характеризующих нарративы студенческой семьи в российском дискурсе о браке (рис. 2, составлено авторами).*

В соответствии с полученным результатом в наблюдаемом распределении отсутствуют свойственные традиционному образу сюжеты «сложной» межпоколенческой семьи. В числе доминирующих токенов фигурируют «ребенок» и «муж», что подтверждает описанный в нарративах студенческой семьи сюжет заключения брака «по залету». При этом выделяются токены, связанные

с трудностями материального обеспечения семейной жизни, в числе которых «работа», «общежитие», «деньги» и «комната». Токены, связанные с образованием, отсутствуют даже в топ-100 словах.

В общей совокупности анализируемых нарративов по частоте упоминаемости токен «развод» занимает 14-е место. Следует отметить, что в Республике Татарстан, рассмотрение которой осуществлялось исходя из данных официального форума ЗАГС, токен «развод» занимает 6-ю позицию.

В числе ключевых проблем студенческой семьи отмечаются материальные (в том чис-

ле имущественные) трудности, отсутствие помощи и поддержки со стороны близких. Также отмечается возрастающий уровень безразличия мужчин по отношению к женщинам, который во многих случаях сопровождается домашним насилием.

2. *Результаты сравнения w- и m-нарративов брака в медиодискурсе (рис. 3, составлено авторами).*

В результате проведенного анализа медиодискурса («сверху») отмечается явная динамика в расширении нарратива как для «женихов» (далее — m-нарратив), так и для «невест» (далее — w-нарратив). Если в 2008–2014 гг.

Рис. 2. Облако ключевых слов в нарративах студенческой семьи (топ-20 слов)
 Fig. 2. Keyword cloud in student family narratives (top 20 words)

Рис. 3. Сравнение w- и m-нарративов
 Fig. 3. Comparison of w- and m-narratives

в нарративах присутствовали стандартные токены: «рождение», «дети», «семья», «брак», «родительство», то к 2014 г. (в год принятия Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.) в ранг доминантных *m*-нарратив вошли 2 токена — «квартира» и «дом». Данная тенденция усилилась к 2019–2020 гг., когда уже *w*-нарратив стали образовывать такие токены, как «деньги», «работа» и «квартира». При этом в *w*-нарративе существенным образом возросла частота упоминаний «ребенка» как ключевого токена, а также с разной периодичностью появились взаимозамещающие токены «муж» и «отец».

Невестам всегда говорится, что они должны в первую очередь искать отца для ребенка, а не думать о личном счастье. Жениху, наоборот, всегда говорят, чтобы искал главным образом себе жену.

Если сопоставить ключевые токены, то «ребенок» в *m*-нарративе с 2008 г. устойчиво сохраняется в топ-5 по упоминаемости и образует с другими токенами 1–3-го ранга оффер «хотеть»-«мужчина»-«ребенок», а уже после этого «девушка» (5-й ранг) и «женщина» (7-й ранг). Примечательно, что постулируется принцип нежелательности сексуальных отношений до брака. При этом репрезентируют маркеры недоверия к женщине, которая до брака не имела активные сексуальные контакты, тогда как мужчина с подобными взглядами признается «наивным». Следовательно, в медиадискурсе приемлемы и одобряемы сексуальные отношения до брака. Из этого исходит образ зрелости как готовности партнеров для брака: мужчина с ранних лет должен быть самостоятелен и перспективен, женщина — красива и готова к родам. С точки зрения институциональных арен брачного рынка, данные нормы подразумевают, что первый ход при mariaje однозначно совершает мужчина.

Для *w*-нарратива характерен оффер «хотеть»-«мужчина»-«человек», тогда как токен «ребенок» имеет 13-й ранг, уступая токenu «друг» (7-е место). Желание невесты идти вверх по карьерной лестнице резко осуждается и противопоставляется желанию рожать детей, которое оценивают положительно. Гендерная роль женщины сводится исключительно к выходу замуж, деторождению и воспитанию детей. Нежелание женщины иметь ребенка до 30

лет воспринимается как явное отклонение и неприемлемая форма поведения. Так как в плоскости *w*-нарратива заложена семья, то вина за развал брака или отсутствие нескольких детей накладывается на жену. Примечательна репрезентация отношения к бесплодию, в котором в первую очередь винят женщину.

Обсуждение. Исходя из этих наблюдений, следует сделать вывод, что в дискурсе происходит институциональное усиление репродуктивного поведения у мужчин и брачного поведения у женщин. Иными словами, многие студенческие семьи строятся на беккериянских принципах, где мужчина выполняет (должен выполнять) роль кормильца, а жена воспитывает детей.

Любопытным также является тот факт, что токены «семья» и «брак» вышли с 2009–2010 гг. из топ-50 как в *w*-нарративе, так и *m*-нарративе. Однако в официальном медиодискурсе считается, что брак происходит не «на человеке», а на «всей семье» (включая близких и дальних родственников). Следовательно, в процессе выбора брачного партнера оценке подвергается не только сам потенциальный супруг, но и его семья (в широком смысле этого слова). Признание семьи «хорошей» автоматически маркирует кандидата как «подходящего», что создает отсылку к идее нормативного и подражательного изоморфизма при формировании семей в России.

Непосредственно субъекты дискурса о браке демонстрируют стремление оттянуть рождение детей по причине отсутствия психологической готовности и репродуктивных установок, карьерной нереализованности мужчин и неготовности женщин доверить свое материальное благополучие. Поэтому женщины из более обеспеченных семей чувствуют себя более комфортно при принятии решения о рождении ребенка, тогда как малообеспеченные женщины характеризуются большими материальными притязаниями по отношению к мужчинам. Также с 2016 г. в медиодискурсе актуализируется идея сожительства как предварительного брачного теста, в котором молодые люди пробуют жить вместе некоторое время, чтобы понять, насколько гармоничны их отношения. Однако знак равенства между зарегистрированным браком и сожительством не ставится: дето-

рождение в таком союзе является неприемлемой стратегией, так как приводит к гарантированному статусу «матери-одиночки».

Таким образом, нарративы брака в явном виде не популяризуют традиционные семейные ценности, смещая внимание на рациональный марьяж. При этом рациональность сводится к предпочтению модели идеальной семьи, которая может быть сформирована как официальный и единственный брак на всю жизнь, когда муж обеспечивает семью, а молодая супруга решает бытовые проблемы и воспитывает 1–2 детей при активном участии старших членов семьи. Вследствие этого развиваются гендерные стереотипы, которые проявляются при использовании в отношении женщин устоявшегося выражения «прекрасный пол» («представительницы прекрасной половины человечества», «прекрасные дамы»)³.

Гендерные стереотипы по отношению к женщинам ярче всего прослеживаются в возрасте от 20 до 30 лет. Во-первых, от таких невест не ожидается никаких личных характеристик, так как они фактически не могут сформировать целостное мнение

относительно будущего. Во-вторых, от таких девушек требуется наличие либо активного поиска, либо уже найденного мужчины с планами семьи в формате обязывающего предложения: предельный допустимый срок брака для женщины составляет около 30 лет; временное окно, в рамках которого необходимо выйти замуж и родить ребенка, варьируется в диапазоне 20–25 лет.

Схожая картина фиксируется в нарративах «снизу», где популярность традиционных ценностей, как минимум, не отрицается только в Пензе, Липецке, Ставрополе, Белгороде. Нарративы студенческой семьи на Дальнем Востоке и регионах Сибири демонстрируют социальное неприятие равновозрастного брака мужчины и женщины. Мужчина должен быть старше и обеспечен, тогда как студенческий брак является во всех анализируемых случаях гарантией нищеты и непреодолимым барьером для развития.

Исходя из вышесказанного, появляется возможность изобразить глубинную структуру нарратива, используя логические схемы Греймаса (рис. 4, составлено авторами).

	<i>Сильное материнское начало</i>		
<i>Сдвоенная гендерная идентичность</i>	Рожать детей	Создавать семью для материального достатка	<i>Чайлдфри/Аффексьонадо</i>
	Не создавать семью для материального достатка	Не рожать детей	
	<i>Маскулинность женщины</i>		

Рис. 4. Базовые ценности, образующие глубинную структуру нарративов семейных отношений в России
Fig. 4. Basic values forming the deep structure of narratives of family relations in Russia

3 Владимир Путин поздравил женщин России с праздником — Международным женским днём [Электронный ресурс] // Президент России. 8 марта 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65105> (дата обращения: 01.10.2021).

В противоречии указанных ценностей раскрывается суть кризиса, ускоряющего тенденции деинституционализации брака. С одной стороны, иллокутив рождения ребенка свойственен традиционным ценностям, с другой, также характеризует двойственное гендерное начало, в рамках которого смещается роль женщины в семье. Говоря о последнем, стоит упомянуть, что женщина не нуждается в брачном союзе как в обязательном и наиболее простом способе обеспечения материального достатка. В этой связи рождение детей перестает являться обязательным атрибутом и следствием семейственности.

При этом доминирующие нарративы семейных отношений ретранслируют все из указанных ценностей, в большей степени смещая фокус внимания общества от традиционных догм. Дело в том, что в современном российском обществе студенческая (или молодая) семья сама по себе утрачивает функции экономического фундамента, трансформируясь в источник возникновения деприваций.

Заключение. На сегодняшний день, как следует из результатов проведенного анализа, в дискурсе о браке распространяются смешанные семейные ценности — смесь западных ценностей с традиционным взглядом на семью. Во многом это обусловлено тем, что российские медиа не производят собственного контента и воспроизводят иностранные клише и тренды. Однако конвенция, на основе которой построены концепты семьи в мировых трендах, сформирована вокруг деинституционализованного брака и имеет сложную разноразмерную структуру. Нетрадиционные ценности, ставшие объектом идеологического противостояния российского общества с западным миром, являются лишь вершиной этой конвенции. Фундамент конвенции, формирующий общественный запрос на нарративы однополых браков, бездетности, полиамориальных семей, во многом сформирован в контексте беккериянской семьи. Вспоминая утверждение Дж. Сёрла «X считается Y в контексте Z», отметим, что именно контекст (как элемент дискурса) задает институциональную логику восприятия населением современной семьи. В этой связи измены, разводы, предпочтение личного счастья и карьеры деторождению постепенно

становятся для россиян «нормой» семейных отношений. При постоянной популяризации данных явлений закрепление нетрадиционных семейных отношений является закономерной альтернативой традиционной семье.

Другим, не менее важным, аспектом нарративного регулирования семейных отношений является фокус на регионы. Складывается ситуация, при которой жители российских регионов наблюдают дуалистичную реальность: с одной стороны, через медиадискурс население получает яркий и регулярный контент современной семьи, с другой — локальные дискурсы фиксируют сравнительно жестокую реальность нищеты и семейных трудностей. При проникновении регионального концепта в центральный медиадискурс происходит эклектика в лучших традициях современной российской истории, решающей проблемы провинциального быта «богом из машины». При этом провинциальность высмеивается и не находит поддержки в медиа. Многодетная семья в этом срезе представляется как жизнь «шахтеров», которые совершают своего рода подвиг и нужны обществу. Однако никто из зрителей не понимает в полной мере их быта и, тем более, не желает разделять его негативные аспекты.

Таким образом, в качестве рекомендации по совершенствованию системы нарративного регулирования следует упомянуть необходимость гармонизации российского дискурса посредством выработки единой стратегии продвижения традиционных семейных ценностей как на федеральном, так и на региональном уровне. При этом необходимо выравнивание качества контента в регионах для того, чтобы семьи в субъектах РФ характеризовались образами, не уступающими современным стандартам.

Кроме того, важной составляющей нарративного регулирования может стать отказ от усиления позиций советского образа семьи, который способен спровоцировать ценностный конфликт и нанести непоправимый ущерб традиционности в России. Традиционные семейные ценности целесообразно осовременить, сделав их более подходящими современным стандартам качества жизни в технологическом плане. Для этого требуется научно-обоснованная разработка новой модели семьи, включающей в себя не только переос-

мысление *w*-нарратива, но в большей степени *m*-нарратива. Западные семейные ценности в совокупности с проводимой в развитых странах семейной политикой обеспечивают контроль над рождаемостью в бедных слоях и стимулирование рождаемости у богатых. Российские нарративы впитывают этот тезис через повторение иллокутивов, где мужчина не может позволить себе семью, не достигнув определенного уровня материального достатка. Перелом этой ситуации возможен при развитии образа отцовства и сокращения возрастного периода взросления мужчин через систему высшего образования, воинскую службу и т.п. Пока в медиадискурсе возрастной разрыв между мужчиной и женщиной будет демонстрироваться как социальная норма, период взросления мужчин будет нежелательным образом повышаться.

Список источников

1. Белоношко Л.Н. Роль средств массовой информации в процессе формирования нравственных и духовных основ личности // Вестник НГУЭУ. 2017. №1. С. 242–249.
2. Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Нарративы, идеи и институты // Terra Economicus. 2018. №2. С. 150–168.
3. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Российская конституционная конверсия на фоне деинституционализации брака в США // Journal of Institutional Studies. №2. С. 86–99.
4. Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Концепция информационной кампании по повышению ценности семьи и семейного образа жизни // Информационное общество. 2016. №3. С. 37–47.
5. Мищенко В.А. Образ семьи в средствах массовой информации // Социологические исследования. 2014. №6. С. 137–141.
6. Остин Д. Как производить действия при помощи слов. М.: Идея-пресс, 1999. 329 с.
7. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. №3. С. 15–33.
8. Рыбаковский Л.Л. Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. №9. С. 62–70.

9. Серл Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.

10. Тамбовцев В.Л. Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // Вопросы экономики. 2020. №4. С. 5–30.

11. Akerlof G.A., Snower D.J. Bread and bullets // Journal of Economic Behavior & Organization. 2016. №126. P. 58–71.

12. Bates R.H., Greif A., Levi M., Rosenthal J.L., Weingast B.R. Analytic narratives. Princeton University Press, 2020. 296 p.

13. Cherlin A.J. Degrees of change: An assessment of the deinstitutionalization of marriage thesis // Journal of Marriage and Family. 2020. Vol. 82. №1. P. 62–80.

14. Cherlin A.J. The deinstitutionalization of American marriage // Journal of marriage and family. 2004. №4. P. 848–861.

15. Greimas A.J. Structural semantics: An attempt at a method. University of Nebraska Press, 1983. 325 p.

16. Tobin P. Economics from zero-sum to win-win // Nature Climate Change. 2020. Vol. 10. №5. P. 386–387.

17. Treas J., Lui J., Gubernskaya Z. Attitudes on marriage and new relationships: Cross-national evidence on the deinstitutionalization of marriage // Demographic research. 2014. Vol. 30. P. 1495.

References

1. Belonozhko L.N. Rol' sredstv massovoj informacii v processe formirovanija npravstvennyh i duhovnyh osnov lichnosti [The role of mass media in the process of formation of moral and spiritual foundations of personality]. *Vestnik NGUJeU [Bulletin of NGUEU]*. 2017; (1): 242–249. (In Russ.).
2. Vol'chik V. V., Masljukova E.V. Narrativity, idei i instituty [Narratives, ideas and institutions]. *Terra Economicus*. 2018; (2): 150–168. (In Russ.).
3. Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Harlamova M.S. Rossijskaja konstitucionnaja konversija na fone deinstitutionalizacii braka v SSHA [Russian constitutional conversion against the background of deinstitutionalization of marriage in the USA]. *Journal of Institutional Studies*. (2): 86–99. (In Russ.).

4. Kuchmaeva O. V., Rostovskaja T. K. Konceptija informacionnoj kampanii po povysheniju cennosti sem'i i semejnogo obraza zhizni [The concept of an information campaign to increase the value of family and family lifestyle]. *Informacionnoe obshhestvo [Information Society]*. 2016; (3): 37–47. (In Russ.).
5. Mishhenko V. A. Obraz sem'i v sredstvakh massovoj informacii [The image of the family in the mass media]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2014; (6): 137–141. (In Russ.).
6. Ostin D. Kak proizvodit' dejstviya pri pomoshhi slov [How to perform actions with the help of words]. Moscow: Ideja-press, 1999. 329 p. (In Russ.).
7. Radaev V. V. Millenialy na fone predshestvujushhij pokolenij: jempiricheskij analiz [Millennials against the background of previous generations: an empirical analysis]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2018; (3): 15–33. (In Russ.).
8. Rybakovskij L. L. Konceptija demograficheskoj politiki Rossii: opyt razrabotki i puti sovershenstvovanija [The concept of demographic policy of Russia: development experience and ways to improve]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2015; (9): 62–70. (In Russ.).
9. Serl Dzh. Chto takoe rechevoj akt? [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in foreign linguistics]*. Issue 17. Moscow: Progress, 1986. P. 151–169. (In Russ.).
10. Tambovcev V. L. Narrativnyj analiz v jekonomicheskoi teorii kak voshozhdenie k slozhnosti [Narrative analysis in economic theory as an ascent to complexity]. *Voprosy jekonomiki [Questions of Economics]*. 2020; (4): 5–30. (In Russ.).
11. Akerlof G. A., Snower D. J. Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2016. №126. P. 58–71.
12. Bates R. H., Greif A., Levi M., Rosenthal J. L., Weingast B. R. Analytic narratives. Princeton University Press, 2020. 296 p.
13. Cherlin A. J. Degrees of change: An assessment of the deinstitutionalization of marriage thesis // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82. №1. P. 62–80.
14. Cherlin A. J. The deinstitutionalization of American marriage // *Journal of marriage and family*. 2004. №4. P. 848–861.
15. Greimas A. J. Structural semantics: An attempt at a method. University of Nebraska Press, 1983. 325 p.
16. Tobin P. Economics from zero-sum to win-win // *Nature Climate Change*. 2020. Vol. 10. №5. P. 386–387.
17. Treas J., Lui J., Gubernskaya Z. Attitudes on marriage and new relationships: Cross-national evidence on the deinstitutionalization of marriage // *Demographic research*. 2014. Vol. 30. P. 1495.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 19.02.2022.

The article was submitted on 01.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 19.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Капогузов Евгений Алексеевич — доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Экономическая теория и мировая экономика», Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Россия, г. Омск, пл. Лицкевича, 1

Evgeny A. Kapoguzov — Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Economic Theory and World Economy, Dostoevsky Omsk State University.

1 Litskevicha sq., Omsk, Russia

Чупин Роман Игоревич — кандидат социологических наук, научный сотрудник сектора «Методы исследования проблем развития регионов», Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук.

Россия, г. Омск, ул. Красный путь, 15

Roman I. Chupin — Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow at the Department of Research Methods for the Problems of Regional Development, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

15 Krasnyy put' st., Omsk, Russia

Вклад авторов:

Капогузов Е. А. — научное руководство; концепция исследования; обзор литературы; итоговые выводы.

Чупин Р. И. — сбор эмпирического материала; разработка инструментария; развитие методологии исследования; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kapoguzov E. A. — scientific guidance; research concept; literature review; final conclusions.

Chupin R. I. — collection of empirical material; development of tools; development of research methodology; final conclusions.